

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Н.Н. ЛЕБЕДЕВА,
К.А. ТУМАНЯНЦ*

Препятствия модернизации в современной России

Рассматриваются разные взгляды на модернизацию страны, сгруппированные по выбранным критериям, что создает основу классификации ее типов и видов. Особое внимание уделяется вопросу о том, каковы экономические и политические препятствия реализации этого процесса в современной России.

Ключевые слова: модернизация, трансформация, модификация, классификация, субъект, объект модернизации, конкуренция.

The different points of view on modernization of our country are allotted with some criterions and it's a base of a classification of types and forms of modernization. Special attention is drawn to the economical and political barriers to realization of this process in modern Russian society.

Keywords: modernization, transformation, modification, classification, subject, object of modernization, competition.

Несмотря на то, что понятие “модернизация” уже довольно длительное время находится в списке горячо обсуждаемых вопросов актуальной повестки дня российского общества, общепризнанной трактовки этой категории по мнению многих авторов в политико-экономическом сообществе еще не выработано [Петраков, 2010; Плискевич, 2010]. В выступлениях и публикациях можно встретить широкий спектр рассуждений на данную тему – от признания модернизации как чисто экономического явления до отнесения к модернизации любых процессов, сопровождающихся изменениями любого характера (см. [Глинчикова, 2010; Бальцерович, 2010; Бляхман, 2010; Бузгалин, 2010; Иноземцев, 2010^a; 2010^b; 2010^b; Цветков, 2010] и др.).

Приходится признать до сих пор актуальным, особенно в рамках разворачивающегося широкого обсуждения процесса модернизации в России, высказывание о том, что “современная литература по проблемам модернизации... еще находится в процессе определения своего предмета и установления фундаментальных различий между универсальными характеристиками современности и специфическими институтами конкретных обществ и культур”, и обладающим значительным потенциалом пожелание о необходимости реализации междисциплинарного изучения человечества

Лебедева Надежда Николаевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и экономической политики Волгоградского государственного университета.

Туманянц Карен Авакович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Волгоградского государственного университета.

“посредством описания и объяснения во всей их сложности процессов изменения, которым сегодня приписывается мировое значение” [Black, 1975, p. 186–187].

Полный обзор всей имеющейся литературы по вопросу модернизации весьма сложен, так как он включает в себя работы не только экономистов, но и историков, социологов, политологов за последние несколько веков (например, еще в конце V в. в Европе, чтобы отделить “христианское настоящее” от “языческого прошлого” стали использовать, по утверждению Ю. Хабермаса, слово “модерн”). Поэтому выделим лишь некоторые общие подходы к трактовке этого явления.

В данных целях сформулируем прежде всего критерии систематизации и классификации соответствующих исследований. На наш взгляд, в качестве таковых могут выступать *цель модернизации, способы ее осуществления и характер происходящих изменений*. Выделение именно этих критериев обусловлено вполне прагматической задачей. Ведь выявление целеполагания, по сути, тождественно ответу на вопрос: для кого или для чего проводится модернизация? Другими словами, каковы те социальные группы, которым модернизационные преобразования потенциально могут принести наибольшую пользу. Анализ круга выгодоприобретателей позволяет выявить общественные группы, способные стать опорой и движущей силой модернизации. Именно к ним должны быть адресованы основные усилия политического руководства страны по формированию модернизационного лобби. В то же время практическая реализация изменений будет сопряжена с преодолением оппортунистического поведения той части общества, социальному статусу и материальному положению которой будут угрожать модернизационные мероприятия.

Группировка научных мнений по второму критерию (*способ осуществления*) также имеет прикладной аспект, поскольку понимание происходящих процессов, их этапов и используемых инструментов позволяет предприятиям и домашним хозяйствам спрогнозировать последовательность изменения окружающей среды и запустить процессы приспособления на микроэкономическом уровне. Третий критерий (*характер происходящих изменений*) тесно связан с пониманием и признанием идеи модернизации как ключевой для российского общества. Далеко не всегда характер и последствия осуществления общественных процессов можно точно просчитать на длительную перспективу. В реальности, под воздействием разнообразных факторов, носящих как конъюнктурный, так и системный характер, происходит деформация механизма реализации мероприятий, и фактическое содержание процесса отличается от изначально предполагаемого. Данная ситуация неоднократно возникала в нашей стране, в том числе и на памяти нынешнего поколения. Следовательно, экономические субъекты, выстраивая траекторию своих модернизационных действий, будут стремиться оценить основные характеристики происходящих новаций применительно к своему текущему и будущему положению в системе общественно-экономических координат и в соответствии с ними корректировать стратегию и тактику преобразований.

Итак, что же или кто же являются целью модернизации? Одни авторы считают, что главная цель преобразований – умножение сил человека посредством использования искусственных средств производства [Levy, 1966; Ward, Macridis, 1963; Бек, 2000; Гидденс, 1999]. Развитие человечества, рост его благосостояния и качества жизни тесно связаны с тем, какими орудиями труда пользуется индивид, чтобы переработать ограниченные ресурсы в товары и тем самым приблизиться к заветной цели (по крайней мере, в рамках рыночной экономики) – максимизации полезности.

Другие авторы утверждают, что расширение возможностей человека по воздействию на природу за счет искусственного “удлинения и умножения” своих конечностей направлено на расширение контроля человека над природой и себе подобными, то есть над социумом в целом [Ward, Macridis, 1963, p. 445; Rustow, 1967, p. 3; Macridis, Brown, 1972, p. 428]. Третьи уверены, что умножение умственных способностей человека, увеличение возможностей преобразования природы за счет развития его “креативной рациональности” [O’Connell, 1976, p. 13–24] выступают конечной целью

модернизации как процесса, имеющего своей задачей развитие человека – существа мыслящего и преобразующего.

В то же время достижение данной цели неразрывно связано с наличием у индивида возможности реализовать свои планы. Барьеры на пути их осуществления должны представлять собой лишь минимальную систему защиты интересов других индивидов и общества в целом. Однако в период кризиса государство в России заняло достаточно жесткую позицию по отношению к крупному бизнесу в вопросах, например, недопущения сокращения численности персонала. Однако технологические изменения, как правило, ведут к высвобождению избыточной занятости. Будет ли компания реализовывать программу технического перевооружения, заранее предполагая, что сэкономить на фонде оплаты труда государство не позволит? Аналогичная ситуация складывается и в сфере ценового регулирования. Негативно реагируя на любое повышение стоимости товаров и услуг производителями, государство дает сигнал инвесторам, что срок окупаемости их вложений будет весьма длительным даже в случае благоприятной рыночной конъюнктуры.

Таким образом, общественная база модернизации включает в себя всех конкурентоспособных и эффективных экономических субъектов, способных без вне рыночных предпочтений динамично развиваться. Фактически баланс между субъектами, уверенными в собственных силах, и теми, кто не видит для себя перспектив существования без помощи государства (неважно в каком виде эта помощь осуществляется), отражает реальные масштабы поддержки и сопротивления проекту преобразований.

Как же происходят изменения в экономике, в обществе в результате осуществления модернизационных процессов? Следует отметить достаточно однозначно проявляемое авторами, рассматривающими эту проблему, единодушие. Так, одни ([Bendix, 1964; Vago, 1989; Apter, 1963; Tachau, 1972; Бузгалин, 2010; Карцев, 2010; Ясин, 2000; Иноземцев, 2010^а; 2010^б; Бальцеревич, 2010] и др.) подчеркивают, что изменения начинаются в сфере производства, а потом передаются в другие, сопряженные с индустрией, сферы жизни людей. Другие [Black, 1975; The Homeless... 1973] обращают внимание на синергетические изменения институциональной структуры и среды под влиянием происходящих трансформаций, спровоцированных изменением технологий. Иными словами, модернизация начинается с индустрии, изменения в которой провоцируют системные и синергетические сдвиги в экономических и социальных институтах.

Описывая характер изменений, практически все авторы единодушны, что модернизация – процесс прогрессивных изменений в экономике и обществе, отражающий, с одной стороны, поступательное, а с другой – нелинейное развитие человечества (см. [Eisenstadt, 1966; Macridis, Brown, 1972; Цветков, 2010] и др.). Понимание нелинейности развития актуализирует вопрос о формах и видах модернизации и целесообразности их использования в различных исторических контекстах, обусловленных национальной спецификой. Прогрессивность модернизации проявляется в ориентации на инновации, преобладании инновационных приемов и способов над традиционными, преимущественной ориентации на инструментальные ценности, индустриальный характер производства, массовое образование, в активном деятельностном психологическом складе мышления людей, и т.д.

Необходимость четкого толкования понятия “модернизация” для российских политиков очевидна, ибо, исходя из этой ключевой трактовки, будут определяться цели и пути достижения определенного уровня “модернизационности”. В этой ситуации важно определиться с пониманием данной категории в русском языке, чтобы не допустить подмены истинного дискурса вымышленным. В связи с этим нельзя не согласиться с В. Цветковым, жестко заявляющим, что “беспредметное и бессистемное толкование сути модернизации приводит к дезориентации” [Цветков, 2010, с. 16].

Понятие “модернизация” заимствовано из французского языка; его трактовка такова: “введение усовершенствований, приведение к современным требованиям” [Крысин, 2002, с. 448]. При переводе с греческого “*modern*” – новейший, и поэтому

авторы считают, что модернизация есть усовершенствование, улучшение, обновление, приведение в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества [Современный... 1997, с. 192–193]. Как видим, понятие “модернизация” предполагает два вида толкований – в широком и узком смысле слова. От приведения к современным требованиям любых отношений до приведения в соответствие с требованиями и нормами технического характера, то есть ограничивается сферой производства.

В российской научной литературе присутствует достаточно широкий спектр определения модернизации, позволяющий выделить три направления – производственное, социальное и социально-экономическое. Сторонники производственной трактовки считают, что это процессы замены устаревшего оборудования на современное, обеспечивающее повышение эффективности труда и производства [Ракитов, 2010, с. 131–132; Цветков, 2010, с. 16]. Аргументы в поддержку такой трактовки модернизации можно найти в марксистской методологии исследования процесса обращения капитала (см. второй том “Капитала” К. Маркса).

Прежде всего Маркс подчеркивал, что прогрессивное развитие средств труда в промышленности приводит к тому, что они “возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот” [Маркс, 1984, с. 191], и масса основного капитала заменяется в натуральной форме не теми же самыми машинами, а машинами новыми, претерпевшими изменения. С философской точки зрения подтверждение этому тезису можно увидеть у О. Шпенглера: “...в действительности все естественные явления необратимы. Даже в искусственных условиях экспериментальной практики ни один простейший процесс не может быть обращен, т.е. не может быть восстановлено раз изменившееся положение” [Шпенглер, 1998, с. 640]. Таким образом, встречающееся мнение, что модернизация – лишь количественная, а не качественная замена техники, не соответствует действительности.

В условиях производства количественная замена отдельных частей машин или частичных машин относится к понятию “ремонт, содержание оборудования, финансовым источником которого выступает амортизационный фонд”, и этот процесс характерен для экстенсивного развития производства [Маркс, 1984, с. 191, 200, 510–511]. В то же время Маркс отдельно рассматривает обновление производства, происходящее за счет части прибыли или кредитных ресурсов и характеризующее интенсивное развитие, в процессе которого преодолеваются ограничения морального износа [Маркс, 1984, с. 137, 191, 510–511]. Именно такой результат связан с обновлением, качественным усовершенствованием, то есть с тем, что мы относим к модернизации в узком смысле слова.

Надо отметить, что при несомненной связи модернизации с обновлением производства, все же большее число ученых и политиков трактуют ее более широко, связывая с изменениями в обществе [Глинчикова, 2010; Бляхман, 2010] и даже с изменениями политико-экономическими [Карцев, 2010; Иноземцев, 2010^a; 2010^b], происходящими “в рамках существующего конституционного строя” [Медведев, 2010, с. 3]. Пожалуй, наиболее полное понятие модернизации можно встретить у Л. Бляхмана: “Модернизация – комплексное изменение технологического, экономического и социально-политического уклада с целью формирования постиндустриального общества с инновационной экономикой” [Бляхман, 2010, с. 10–11].

Итак, понятие “модернизация” рассматривается или как замена устаревшего оборудования на новое за счет приобретения зарубежных технологий, или как изменения в социальной, политической сфере, да и в целом как становление “техногенной цивилизации” [Карцев, 2010, с. 25]. Нам представляется, что модернизационный процесс может быть устойчив лишь в случае его комплексности, вовлечения в него различных сфер жизнедеятельности общества. Разовые мероприятия по обновлению производственно-технической базы и расширению инновационного сектора экономики, даже увенчавшись успехом, не смогут создать долгосрочный самоподдерживающийся контур перманентного “осовременивания” хозяйственного устройства страны. В ином

случае есть опасность попадания в “тупик инструментальной модернизации” [Плискивич, 2010, с. 78].

К сожалению, история России демонстрирует многочисленные примеры, когда модернизационный рывок, давший первоначально положительные результаты и решивший актуальные на момент его совершения задачи, впоследствии приобретал затухающий характер и в среднесрочной перспективе не мог противостоять в очередной раз нарастающему разрыву между меняющимися социально-экономическими вызовами и состоянием национального хозяйства. Наиболее очевидными примерами таких модернизаций выступают реформы Петра I и социалистическая индустриализация. При всей временной разнице между этими процессами, их роднит то, что, не создав универсальные механизмы самоорганизации общества, затрагивающие в том числе политические и социальные аспекты его функционирования, данные изменения лишь на определенный период времени скорректировали траекторию развития страны, не сумев изменить общий вектор ее движения. Следовательно, успешность модернизационных усилий требует ее анализа как системного феномена.

С точки зрения системного подхода, понятие “модернизация” выступает как явление, которому присуща своя мера в процессе разворачивания преобразований. Критерий меры в экономической системе В. Садовский характеризует следующим образом: “При неизменном способе действия элементов способ действия системы меняется, если меняется структура, иначе говоря, различие в структуре вызывает различие в способе действия системы, т.е. в ее целостных свойствах” [Садовский, 1974, с. 154]. Итак, именно состояние структуры, то есть определенная взаимосвязь между элементами системы, является мерой качественных и количественных, модификационных и трансформационных преобразований.

Таким образом, возможны два типа соотношения категории “модернизация”, с одной стороны, и “модификация” и “трансформация” – с другой. Либо модернизационные изменения включают в себя как модификацию, так и трансформацию, либо модернизация относится исключительно к одному из типов изменений системы. Третий тип, предполагающий содержательную независимость данных категорий, мы заведомо признаем невозможной, так как в случаях и модернизации, и модификации, и трансформации речь идет об изменениях, преобразованиях объекта, следовательно, данные термины *a priori* взаимосвязаны друг с другом.

Исходя из подхода, представленного выше, отношение модернизации к дуализму “модификация–трансформация” определяется глубиной изменений в ходе процесса адаптации системы к новым реалиям. Если данные изменения приводят к смене системообразующих связей, преобразованию структуры системы, то модернизация относится к трансформационным процессам. Если же приспособление системы происходит в рамках прежней качественной определенности системы, то есть не выходит за рамки меры, то модернизация выступает частью модификационных процессов. Если возможно как первое, так и второе, то модернизация включает в себя “модификацию–трансформацию”.

На наш взгляд, модернизация – часть модификационных изменений, так как структурообразующие связи в системе не меняются, управляющие информационные потоки остаются прежними, что, соответственно, не предполагает качественное изменение объекта модернизации (см. рис). Речь, как правило, идет об улучшении, совершенствовании, оптимизации, но не о коренной перестройке объекта. Необходимо отметить, что такая трактовка не исключает изменения отдельных качественных характеристик объекта, но мера как граница качественного состояния системы в результате модернизационных преобразований не преодолевается. Исторический опыт подтверждает осуществление модернизации скорее в рамках саморегулирования системы, нежели ее самоорганизации, что также является аргументом в пользу модификационной природы модернизации.

Думается, что использование именно термина “модернизация” современным руководством страны не случайно и вполне адекватно его представлению о необходимых

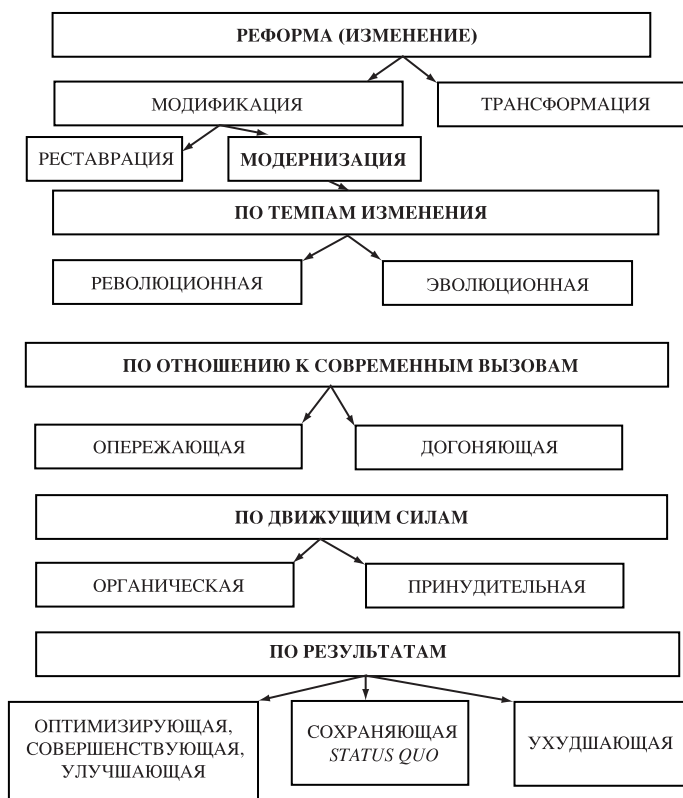

Рис. Классификация видов модернизации

стране реформах, поскольку считается, что созданный политический, социальный и экономический каркас российского общества в целом жизнеспособен и эффективен, но нуждается в некотором совершенствовании, оптимизации, улучшении. Другой вопрос, насколько соответствует такое понимание степени глубины необходимых изменений реалиям современного состояния российского общества. На наш взгляд, не соответствует, то есть реформы должны иметь более радикальный характер. Однако политически использование терминов “трансформация” и даже “реформирование” невозможно, поскольку в общественном сознании они прочно увязываются с потрясениями 1990-х гг. Действующий режим постоянно противопоставляет “стабильные нулевые” “лихим девяностым”, пытаясь выгодно для себя эксплуатировать естественную тягу людей к спокойствию, и не готов отказаться от этого, боясь потерять поддержку электората.

Однако такая политика будет обречена на перманентное воспроизводство противоречия между широтой заявленных целей и задач модернизации, с одной стороны, и недостаточностью предпринимаемых шагов к их достижению – с другой. Общественное недовольство результатами модернизации будут подталкивать власти к радикализации реформистских усилий как по темпам, так и по содержанию. Спротивление определенных, подчас довольно широких групп населения концептуальным изменениям и угроза собственному нахождению у власти будет сдерживать стремление к изменениям трансформационного типа. В итоге власти скорее будут использовать имитацию реформ, нежели их углубление. Наиболее свежие примеры – национальные проекты, монетизация льгот, пенсионная реформа.

Итак, подводя некоторый промежуточный итог обсуждению понятия “модернизация”, отметим, что в научной литературе модернизацию понимают как прогресс-

сивный процесс, начинающийся в сфере индустрии и затем распространяющийся на другие области человеческой жизни, обеспечивающий развитие человека в направлении повышения уровня его креативности. Политики же, подчеркивая прогрессивность модернизации, указывают в качестве главной ее черты ориентацию на современность. Например, характеристика, которую дал Президент РФ этому процессу в Послании Федеральному собранию 2010 г., такова: придание современного характера общественным процессам и явлениям, связанным с компьютеризацией, инновацией и упрочением основ гражданского общества определяют приоритетные направления научных исследований, способствующих лучшему пониманию вектора преобразований.

Четкое осознание содержательных характеристик процесса модернизации предполагает выявление объекта и субъекта модернизации. Сложность объекта модернизации определяется прежде всего изношенным техническим парком (к примеру, лишь 9,6% российских производственных мощностей имеют возраст до 5 лет) [Шестакова, 2010, с. 13], несбалансированной отраслевой структурой промышленности, некомплексным представлением о приоритетах модернизации. Так, мы до сих пор используем инфраструктуру, созданную в Российской империи. Например, железные дороги на 85% были построены до 1917 г. Из них лишь 1,6% пригодны для скоростного движения (в Европе таких дорог – 90%) [Данилов, 2010, с. 35]. К тому же протяженность железных дорог сократилась на 4,2%. Один километр проектируемой автотрассы “Москва–Санкт-Петербург” оценивается в 29,3 млн долларов, тогда как во Франции аналогичного качества километр дороги обходится в 10 млн долларов, в Китае – 6,25 млн долларов [Иноземцев, 2010⁸, с. 15].

Развитие информационных технологий также пока оказывается “крепким орешком”. По данным Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий, в 2006 г. “из 188 млрд, выделенных из бюджета на поддержку инноваций, 100 млрд. рублей растворились в пустоте” [Гурдин, 2007]. В развитых странах прирост ВВП от 75 до 90% обеспечивается за счет наукоемкого производства, в России – не более 10%. По производству высокотехнологичной продукции мы отстаем от США в 120 раз [Сиземская, 2010, с. 8].

А ведь переход России на инновационный путь развития, а точнее – нацеленность на постоянные преобразования, поощрение новых разработок и идей, их распространенность в обществе, является предпосылкой, условием и результатом модернизации. Но большинство российских компаний пока не спешит вкладывать деньги в технологические новинки. Росстат посчитал долю компаний, внедряющих инновации, и оказалось, что в экспортоориентированной и находящейся в наиболее благоприятных по доходности условиях отрасли, производящей нефтепродукты, лишь 27,1% предприятий занимаются такой деятельностью, в химической – 26,7%, в электронике – 24,7%, в производстве транспортных средств – 22,7%, а в машиностроении – 16,1%. В среднем только около 10% предприятий России внедряют инновации, да и тут речь идет не столько о принципиально новых, сколько об улучшенных старых технологиях [Литвинов, 2009, с. 30–32].

Одним из ключевых факторов, косвенно принуждающих каждого предпринимателя к поиску путей оптимизации своей деятельности, выступает конкурентная среда. Высокий уровень наукоемкости производства во многих зарубежных странах обусловлен не какой-то особой врожденной склонностью к инновациям иностранных бизнесменов, а является следствием банального императива самосохранения и выживания, что в условиях жесткой конкуренции невозможно без постоянного внедрения новых технологий.

Соответственно, можно ожидать усиления модернизационной мотивации вслед за созданием полноценной конкурентной среды в российской экономике. Собственно, во многих секторах отечественного хозяйства (транспорт, связь, торговля, финансы, птицеводство, пищевая промышленность) мы уже наблюдаем эти процессы. Другое дело, что идут они медленнее, чем хотелось бы, и охватывают небольшой сегмент национального хозяйства. К сожалению, в большинстве других отраслей конкурентная

среда в значительной степени под влиянием государства не является насыщенной, а подчас становится и более разряженной в результате возвратных реставрационных действий/бездействий государства. В докладе Федеральной антимонопольной службы (ФАС) “О состоянии конкуренции в России” отмечается, что до сих пор в неконкурентной среде работают около 20% предприятий (хотя, по мнению И. Юргенса, доля таковых достигает 40%) [The Objectives... 2010], а еще 20% сталкиваются с высокой конкуренцией. Если в 2003 г. 10% ВВП обеспечивали 52 компании, то в 2006 г. – только 11 компаний. Однако, учитывая, что большинство сделок связаны с перепродажей контрольных пакетов, ФАС считает, что реальная концентрация еще выше.

Уменьшается количество независимых участников в нефтяной отрасли России, не происходит изменений в таких высокомонополизированных отраслях, как авиаперевозки, химия. В последние годы усилилась тенденция к созданию картелей, договоренности в которых достигаются не без участия государственных органов, оказывающих необоснованную помощь за счет бюджетных средств, передачи имущества без торгов. ФАС называет госорганы основными нарушителями законодательства о защите конкуренции. 52,8% выявленных в 2007 г. нарушений совершены государственными органами, причем 22% нарушений совершены повторно, то есть после предупреждений [ФАС...].

Показателен пример реформы электроэнергетики 2000–2007 гг. Она привела к разделению бизнеса по генерации электроэнергии, ее транспортировке, сбыту и обслуживанию энергохозяйства (ремонт, строительство, монтаж и т.д.). Несмотря на ряд недостатков, такие преобразования в целом сформировали конкурентную среду и заложили потенциал для состязательных экономических отношений в отрасли. Однако ряд последовавших действий фактически пересматривают итоги данной реформы.

Во-первых, “Газпром” стал контролирующим акционером в нескольких генерирующих энергокомпаниях, но наличие единого собственника у нескольких независимых компаний уже лишает смысла конкуренцию между ними. Кроме того, значительная часть генерирующих энергомошностей в нашей стране работает на природном газе, доминирующим поставщиком которого является “Газпром”. Следовательно, при поставках газа на “свой” и “чужие” электростанции “Газпром” попадает в условия конфликта интересов. Наконец, экономическая эффективность газового гиганта весьма низка и компенсируется только масштабами его деятельности. Зачем при таких обстоятельствах государство – основной акционер этой компании санкционировало его вхождение на рынок электроэнергии, непонятно. Во-вторых, контролируемые государством компании “Русгидро” и особенно “ИнтерРАО” объявили о начале скупки активов некоторых других российских энергокомпаний. Очевидно, что это также – шаг назад на пути развития конкурентных начал в данной отрасли.

И наконец, некоторые генерирующие компании, включая подконтрольные государству, объявили о приобретении сбытовых компаний на рынке электроэнергии. Фактически это приведет к возобновлению монополизма поставщика для клиентов данных компаний, поскольку права выбора производителя они будут лишены. Сознывая эту проблему, Евросоюз принял директиву, запрещающую производителю иметь в собственности сетевые мощности. В России же это не только не запрещается, а даже поощряется государством. Таким образом, при попустительстве государства разрушается потенциально конкурентная среда, с таким трудом начавшая формироваться в одной из краеугольных отраслей отечественной экономики.

К сожалению, пример электроэнергетики не единственный. В телекоммуникационной отрасли государство как контролирующий акционер запустило процесс слияния “Ростелекома” с региональными компаниями связи. В результате в стране вновь появится монополия, управляемая государством и контролирующая все сегменты голосовой связи, кроме сотовой. ФАС не нашла причин отказать в согласовании сделки по слиянию двух крупнейших производителей калийных удобрений в стране – “Уралкалий” и “Сильвинит”. Государственный банк ВТБ после покупки “Транскредитбанка” начал процесс приобретения “Банка Москвы”. Причем покупка последнего была

организована таким образом, что частный “Альфа-банк” оказался лишен возможности открытого соревнования за право приобретения “Банка Москвы”. Необходимо учитывать, что половина активов банковской системы страны уже сосредоточена в государственном “Сбербанке”. Государственная “Транснефть” приобрела частный “Новороссийский морской торговый порт”. Этот перечень можно продолжать, но, думаю, тенденция усиления концентрации бизнеса, поощряемая государством, вполне очевидна, и она явно идет вразрез с модернизационной риторикой руководителей государства.

Возможно, государство рассматривает принадлежащие ему компании как образцовый полигон для демонстрации частному бизнесу преимуществ инновационного пути развития, однако видимых следов его менеджерских усилий в этом направлении пока не обнаружено. Факелы, сжигающие попутный природный газ на нефтяных месторождениях государственных “Роснефти” и “Газпромнефти”, горят так же ярко, как у частных “ЛУКОЙла” и “Сургутнефтегаза”. “Автоваз”, принадлежащий государственной корпорации “Ростехнологии”, так же как и сотни (!) других различных компаний, находящихся в собственности этой корпорации, выпускают ту же самую продукцию, а многие из них в кризис 2008 г. были спасены от банкротства только с помощью многомиллиардных вливаний из федерального бюджета.

Развитие сырьевого комплекса как основного источника российского благополучия также не безоблачно. Доля России в глобальной добыче природных ископаемых снизилась с 19,4 до 12,9 % по нефти и с 35,8 до 17,6% по газу. С 1985 г. не было построено ни одного нефтеперерабатывающего завода, но в то же время на 14 млрд долларов было приобретено нефтеперерабатывающих мощностей за рубежом [Иноземцев, 2010^в, с. 15].

Примеры разрушающегося национального хозяйства можно продолжать, однако продуктивнее выяснить, есть ли тут субъект инноваций, что всеми силами стремится изменить ситуацию? Выразителями интересов народа обычно выступают партии, позиции которых озвучивают их руководители. К сожалению, вердикт представителей партии Единая Россия, Справедливая Россия, КПРФ не вселяет оптимизма. Они считают, что народ не готов, в стране нет условий для модернизации. Например, Б. Грызлов утверждает, что еще недостаточны условия для масштабной реализации интеллектуального, научного, творческого потенциалов граждан России, не созданы механизмы для качественного скачка в модернизации. На удивление единодушен с ним И. Мельников из КПРФ, который считает, что народ к модернизации готов, но эта готовность пока крепко спит. Справедливая Россия в лице Н. Левичева уверена, что пока прибыль сырьевых секторов экономики будет на порядок превышать прибыльность технологичных производств, пока менеджер среднего звена будет получать бонусы, превосходящие в несколько раз годовую зарплату врача и ученого, невозможно найти аргументы в пользу модернизации [Все... 2010].

Не готов и крупный бизнес, так как он, будучи основным выгодоприобретателем современной сырьевой экономики и получая прибыль в России, стремится увести ее из страны. Так, в 2008 г. чистый отток капитала из России превысил 112 млрд долларов [Расков, 2010, с. 30]. По утверждению министра финансов А. Кудрина, “мы никак не можем задержать свои же сбережения, они инвестируются в других регионах мира”. Министр также отметил, что “часть средств выводят в другие зоны, где доходность, может быть, будет ниже, чем в РФ”, но там они в большей степени рассчитывают сохранить свои сбережения. Не случаен тот факт, что прямые иностранные инвестиции в российскую экономику в 2010 г. составили 12–14 млрд долларов, снизившись в 1,5 раза к уровню 2009 г. У иностранных инвесторов, считает Кудрин, “есть намерение сделать паузу, посмотреть, как будет” [Кудрин]. Тем более, что у них перед глазами тот факт, что 56% отечественного ВВП производят 90% крупных компаний, зарегистрированных в офшорах [Иноземцев, 2010^а, с. 20].

Не готов к модернизации и административно-чиновничий аппарат, виртуозно использующий разнообразные механизмы обогащения – от тривиальных взяток до

сложных схем участия в бизнесе через подставных лиц. Уровень коррумпированности в российском обществе намного выше, чем в таких странах, как Ливия, Парагвай, Вьетнам, Танзания. По итогам 2010 г. мы занимаем 154-е место в рейтинге 188 стран и входим в группу с высоким индексом коррупции [Transparency... 2010]. Корни проблемы коррупции в значительной степени лежат в плоскости “коррупциогенности” многих законодательных требований и ведомственных норм. До тех пор, пока нормативные акты будут содержать фразы типа “... и иные документы, по требованию регулирующего (лицензирующего) органа”, “наказывается штрафом от... до...”, “регулирующий орган имеет право...”, “решение может содержать...” и т.д., ужесточение наказания за взяточничество будет оставаться борьбой с последствиями, а не с причинами.

Не готово к модернизации и общество. С 2006 по 2008 г. число “модернистов” снизилось на 5%, а число “традиционалистов” увеличилось на 13% [Плискевич, 2010, с. 79]. А число промышленных рабочих, призванных осваивать новые технологии, сократилось за годы реформ на 53%, оказалась разрушенной профессиональная общность ИТР и рабочих [Кара-Мурза, 2010, с. 3]. Проведенное Представительством Фонда имени Ф. Эберта исследование “Готово ли российское общество к модернизации?” выявило тот факт, что от 39 до 57% занятых в промышленности, энергетике, транспорте, строительстве, сельском и лесном хозяйстве в силу квалификации не годятся для индустриально развитой экономики [Готовы... 2010, с. 35]. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением, что “в инерционном развитии экономики, кроме немалой части депутатского корпуса, безусловно, заинтересованы сырьевая олигархия, сросшееся с ней чиновничество и их интеллектуальная обслуга” [Кива, 2011, с. 43].

Как видим, государственная власть весьма расплывчато представляет себе характер необходимых модернизационных усилий, а осуществляемые государственным аппаратом действия, как минимум, демонстрируют противоречивость сигналов, посылаемых обществу. В этой ситуации целесообразными выглядят призывы ученых, во-первых, разработать концепцию модернизации, ее стратегию и программы реализации, сосредоточить интеллектуальные усилия на выявлении форм, видов, движущих сил, приоритетов развития модернизации, определения ее этапов и пространственных координат; во-вторых, сосредоточить усилия на реиндустриализации, создании конкурентоспособной промышленности с развитием модельных, призванных служить примером, видов производств и форм организации инновационной деятельности, как, например, проект “Сколково”; в-третьих, существенно изменить институциональную среду, в которой коррупция чувствовала бы себя нелегитимной, а малый бизнес, напротив, стал бы главным источником создания рабочих мест. Достижение указанных целей видится скорее через призму формирования исходных условий, предпосылок для изменения мотивации экономических субъектов, делающей невозможной или, по крайней мере, невыгодной сохранение прежней модели их поведения, нежели через осуществление мер прямого действия, непосредственный диктат тех или иных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бальцерович Л. Свобода государства – это самая опасная свобода // Свободная мысль. 2010. № 9.

Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.

Бляхман Л.С. Уроки кризиса, перспективы модернизации и экономическая наука // Проблемы современной экономики. 2010. № 1.

Бузгалин А.В. Россия – иная стратегия // Философские науки. 2010. № 9.

Все прежние модернизации в России требовали полного напряжения сил народа. В чем, на ваш взгляд, главные проблемы нынешней модернизации? Готов ли к ней народ? // Российская Федерация сегодня. 2010. № 22. Ноябрь.

Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.

Глинчикова А.С. Демократическая модернизация и национальная культура // ПОЛИС. 2010. № 6.

Готовы ли мы к модернизации? // Российская Федерация сегодня. 2010. № 18. Сентябрь.

- Гурдин К. Бананотехнологии // Аргументы недели. 2007. № 46 (<http://www.argumenti.ru/society/n107/36103>).
- Данилов Ю. Иностранные инвестиции – важнейший ресурс экономической модернизации России // Экономическое развитие России. 2010. № 10.
- Иноземцев В. Будущее России – в новой индустриализации // Экономист. 2010^б. № 11.
- Иноземцев В. Воспоминания о настоящем // Свободная мысль. 2010^в. № 9.
- Иноземцев В. Модернизация: кто и чем оплатит? // Российская Федерация сегодня. 2010^а. № 22. Ноябрь.
- Кара-Мурза С. Готовы ли мы совершить подвиг модернизации? // Российская Федерация сегодня. 2010. № 22. Ноябрь.
- Карцев Е.А. Социально-культурные предпосылки инновационного развития // Философские науки. 2010. № 9.
- Кива А.В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. № 1.
- Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2002.
- Кудрин А.Л. Высказывания на VIII Красноярском экономическом форуме (<http://www.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=12087>).
- Литвинов А. Принуждение к прогрессу // Русский Newsweek. 2009. № 43.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2. Кн. 2. Процесс обращения капитала. М., 1984.
- Медведев Д. Российская дипломатия: защита национальных интересов и содействие комплексной модернизации страны // Международная жизнь. 2010. № 8.
- Петраков Н. К вопросу о модернизации экономики // Экономист. 2010. № 12.
- Плискевич Н.М. Тупики инструментальной модернизации // Общественные науки и современность. 2010. № 2.
- Современный экономический словарь. М., 1997.
- Ракитов А. Смена ментальности // Свободная мысль. 2010. № 9.
- Расков Н. Долговременные тенденции развития экономики // Экономист. 2010. № 5.
- Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974.
- Сиземская И.Н. Инновационная экономика: социокультурные основания // Философские науки. 2010. № 9.
- ФАС предоставит Правительству доклад о состоянии конкуренции в России (<http://fas.gov.ru>).
- Цветков В. Об отправной точке неоиндустриальной модернизации // Экономист. 2010. № 11.
- Шестакова Т. Против лома // Версия. 27 декабря 2010–02 января 2011. № 50.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск, 1998.
- Ясин Е.Г. Модернизация российской экономики: что в повестке дня. Доклад к I Международной научной конференции “Инвестиционный климат и перспективы экономического роста в России”. Москва, 5–6 апреля 2000 г. М., 2000.
- Apter D.E. Political Systems and Developmental Change // Comparative Politics: a Reader. Glencoe (Ill.), 1963.
- Bendix R. Nation-Building and Citizenship. New York, 1964.
- The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. New York, 1973.
- Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. New York, 1975.
- Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. New Jersey, 1966.
- Levy M. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966.
- Macridis R.C., Brown B.E. Comparative Politics. Notes and Readings. Homewood (Ill.), 1972.
- The Objectives and the Price of Modernisation in Russia/The EU-Russia Modernisation Partnership (http://international.ntf.ru/DswMedia/eurec_review_xv_eng.pdf).
- O'Connell J. The Concept of Modernization // Comparative Modernization: a Reader. New York–London, 1976.
- Rustow D.A. A World of Nations. Washington, 1967.
- Tachau F. The Developing Nations: What Path to Modernization? New York, 1972.
- Transparency International (http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/interactive).
- Vago S. Social Change. Englewood Cliffs (N.J.), 1989.
- Ward R.W., Macridis R.C. Modern Political Systems: Asia. Englewood Cliffs (N.J.), 1963.